

ВРЕМЯ И ПАМЯТЬ. ИЗМЕРЯЯ НЕИЗМЕРИМОЕ

Аннотация: В статье рассматривается эволюция методологических категорий – историческое время и время памяти. Сравнивая восприятие данных категорий ведущими теоретиками исторической науки, автор определяет место дискуссии об историческом времени и времени памяти в общем контексте развития теории истории XX – XXI вв. В частности, в процессе интеграции исследований, посвященных вопросам исторической памяти, в историческую науку, а также изменение значения данных категорий в зависимости от актуализации или деактуализации их как предметов научной дискуссии.

Ключевые слова: историческое время, историческая память, методология, история исторического знания, теория истории.

Об авторе: Яковлев Матвей Евгеньевич, ассистент, Историко-филологический институт, Московский государственный областной университет. 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. mattyakovlev@gmail.com

Что такое историческое время? Несомненно, один из тех бесполезных терминов, которыми профессиональные историки набивают себе цену, но за которым не стоит ничего. По крайней мере, именно так подумает не вполне компетентный читатель, столкнувшись с огромным набором определений и таким же огромным набором толкований этих определений. Приведу лишь несколько. «Развитие истории в различных ритмах» [10:18], «синоним периода» [11:118], «конкретная и живая действительность, необратимая в своем стремлении» [5:19], «недавнее и весьма искусственное изобретение Западной цивилизации» [1:118].

Терминологический словарь «Теория и методология исторической науки», под редакцией Александра Огановича Чубарьяна, даёт нам более понятную картину, вводя вспомогательный термин «время историка», а заодно отправляя к именам Филиппа Арьеса, Мишеля де Серто,

Поля Рикёра, Фернана Броделя, Райнхарта Козеллека, Пьера Нора, Франсуа Артога¹. Однако, являясь в рамках рассматриваемой проблемы на данный момент наилучшим по соотношению лаконизма, ясности и смыслового содержания текстом, данная статья обходит главный вопрос. Что же такое «историческое время», определяя его через то, чем оно не является и то, чему оно близко. Иными словами, противопоставляя его времени календарному и хронологии и выделяя «время историка» как наиболее близкое понятие. Мы признаем, что это лучшее определение, на которое можно рассчитывать в данный момент. Ведь вряд ли те историки прошлого, к чьим именам отсылает нас «Словарь», сошлись бы между собой, что именно они вкладывают в один и тот же термин. Например, «четыре времени» Броделя и «слои времени» Козеллека имеют между собой нечто общее, но несут принципиально разный смысл.

Нельзя сказать, что историческая наука стремится сгладить углы, приведя термин к общему пониманию. Так, в работе Юрия Семёнова «Философия истории» термин «историческое время» встречается дважды [15:197, 206] и выступает синонимом хронологии, но не получает определения. Впрочем, сомнительно, что даже определение решило бы вопрос о понимании исторического времени. Вероятнее, как вышло с вышеупомянутым «Словарем», оно могло прибавиться к определениям Броделя, Козеллека и других гигантов, напоминающих памятники самим себе.

Итак, мы не можем взглянуть на историческое время как на понятие потому, что понятия как такового нет. Так что же такое «историческое время» само по себе, без привязки к восприятию его конкретным лицом?

¹ Автор статьи «Историческое время» данного словаря – Зинаида Алексеевна Чеканцева, цитируя де Серто, даже акцентирует внимание на том, что на протяжении большей части существования истории как практики, появление «исторического времени», и особенно «времени историка» как компонента историографической операции, немислимо [7:59–60].

Наша гипотеза такова. это вопрос, вставший перед исторической наукой в сороковые годы прошлого столетия, и существующий в исторической науке до сих пор. Мы говорим не столько о сущности термина, сколько о сущности вопроса, за этим термином стоящего. Таким образом, данная статья относится не столько к историографии *per se*, сколько к библиометрии – дисциплине, изучающей закономерности отражения различных сторон научного знания в специализированной литературе.

Первая проблема, которая перед нами встала, состояла в возможности самой постановки определения понятия историческое время. Пальма первенства в исторической науке² принадлежит школе «Анналов», что, впрочем, не означает первенства абсолютного. Например, Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский в труде «Методология истории» затронул проблему нашего исследования, рассматривая номотетическое понимание истории. «С последней точки зрения историк стремится типизировать не некую комбинацию факторов, поскольку ее можно признать реальной сложной причиной соответствующего продукта культуры, а скорее пытается установить типы или самих этих комбинаций, или состояний и продуктов культуры (...) Впрочем, систематика подобного рода уже сама готовит индуктивное изучение систематизируемых объектов, выяснение законов, которые обнаруживаются в них» [9: 129]. А от рассуждения о том, как историк-социолог смешивает разновременные факты через эволюционные серии, один шаг до фундаментального вопроса об измерении неизмеримого. Историю, пускай с трудом, но возможно, при наличии достаточного количества источников, измерить в пространстве с помощью статистических методов. Сколько людей жило в таком-то пространстве в такое-то время по данным, например, переписи? Но хронология сама по себе не служит единицей измерения, потому что не содержит в себе

² Традиционно историческим временем занимались философы как философским термином.

однозначных участков даже в основах. Вспомним дискуссию о казалось бы основной периодизации – попытки выделить границы Средневековья и дискуссии сторонников «коротких» или «долгих» Средних веков. Всякая попытка выделить определенное временное измерение истории, не хронологическое, дискуссионна. Хотя, обоснование рамок исследования стало частью научно-методического аппарата. Но какая же рамка является оптимальной?

Рассуждая о номотетике и идеографии, то есть выделении процессов в истории или описании фактов, Лаппо-Данилевский фактически говорит об историческом времени. Причём, опираясь на огромное число предшественников, поэтому мы называем «первенство» школы «Анналов» условным.

При занятии общественными науками историческое время как смысловой хронотоп³ часто становится основой для подбора материала источников. Эдвард Саид, например, рассматривал ориентализм на протяжении от греко-персидских войн до Шестидневной войны. Это ярчайший пример того, что Бродель называл «временем большой длительности».

По большому счёту каждый обыватель имеет дело с историческим временем. Например, используя термин «современность», глубоко историчный, при кажущемся противоречии термину «история». Историчность термина выражается в том числе в попытке части историков противопоставить настоящее прошлому. Где же начинается современность? Ханс Ульрих Гумбрехт начинает её 1945-м годом. Иммануил Валлерстайн начинает современную мир-систему XVI веком. Благодаря Зигмунту Бауману⁴ мы получили понятие «текущей современности». Современность он уподобляет жидкости, любое описание которой невозможно без привлечения категории времени,

³ То есть связь определенного времени и определенного пространства в смысловую конструкцию.

⁴ К слову, выделявшему «настоящее» как этап в истории современности.

поскольку эта жидкость склонна изменить форму в любой момент под воздействием обстоятельств. Правда, потом Бауман рассуждает о способности духа современности вырываться из «мертвящих объятий» своей собственной истории» [4: 9] через развенчание прошлого и отречение от него. Идея по-своему устаревшая. Это убедительно доказывает Алейда Ассман: «Всякая идентичность не может обойтись без отсылки к собственной истории» [2: 13]. Но важная, как пример восприятия, разделения в сознании социолога жидкой, изменчивой современности и «твердых тел» – всего, что осталось в настоящем от прошлого. Это восприятие удивительно согласуется с Ранке, не случайно писавшим о «твердой почве истории» и одновременно с Карлом Беккером и его концепцией вечно переписываемой истории, полемизировавшим со сторонниками классического направления. Работа Баумана оживляет перед нами методологическую проблему, которая предшествовала постановке вопроса об историческом времени, тяжёлую борьбу презентистских дидактических конструкций с традиционными, во многом близкими идеографии, изложению истории «как она есть», без какой-либо повестки дня.

Можно сказать, что школа «Анналов» была обязана своим первенством и другим предшественникам, которым её крупнейшие представители отдают дань уважения. Журнал «Анналы экономической и социальной истории» основан в 1929 г. Марком Блоком и Люсьеном Февром⁵, оба этих классика новой исторической науки начинают свои центральные методологические сочинения с признания заслуг предшественников. И в «Апологии истории», и в «Боях за историю», и в предисловии к первому тому «Средиземного моря» можно встретить имена Мишле, Буркхардта, Ланглюа, Сеньобоса и даже Конта или Маркса...

Интересна ситуация, в которой рождаются все названные выше работы. «Апология истории» Марка Блока соз-

⁵ После Войны к их именам можно прибавить имя Фернана Броделя.

дается в оккупированной Франции в качестве ответа на вопросы, один из которых четко определен как: «Надо ли понимать, что история нас обманула?» Действительно: «Всякий раз, когда наши сложившиеся общества, переживая непрерывный кризис роста, начинают сомневаться в себе, они спрашивают себя, правы ли они были, вопрошая прошлое, и правильно ли они его вопрошали» [5:8]. В этом смысле для оккупированной страны одинаково бесполезен был и дидактизм презентистов и академизм традиционалистов, не говоря уже об идеалистических философиях истории. Исторический процесс настиг историческую науку.

Этот кризис, в куда лучших условиях и в большем отрыве от исторических катастроф⁶ ощутят Февр и Бродель. «Будучи гордой и могучей в общественной сфере, она [история – М.Я.] и в сфере духовной была так же самоуверенна – но чуточку сонлива» [6: 16]. Далее Февр раскрывает, в чем выражается сонливость, в расхожей формуле: «Историю изучают при помощи текстов». Эта формула при всех неопределимых достоинствах, защищающих работы учёных от нападок дилетантов, резко противопоставила историю социальной практике. «Сельское хозяйство, промышленность, торговля – все это было для нее чистой абстракцией» [17:12] – одно из многих, но далеко не единственное обвинение Люсьена Февра в адрес классической истории, науке о прошлом, следующей заветам Ранке.

«Наша эпоха слишком богата катастрофами, революциями, театральными действиями, сюрпризами. (...) Все или почти все социальные символы – и те, за которые мы вчера готовы были без колебаний умереть – утратили свое содержание» [6:14]. Продолжая эту мысль Фернан Бродель, иронически высказывается: «Наверное, нет ничего более странного для нас, чем замечание совсем юного Ранке, сделанное им в 1817 году в его горячем обращении к Гёте, ког-

⁶ Марк Блок расстрелян нацистами за участие в движении Сопротивления.

да он с энтузиазмом говорит о “твёрдой почве истории”» [6:16].

В таких условиях рождается вопрос об историческом времени, о времени, которое используют историки, чтобы связывать воедино хронологию и смысловые нарративы. Вопреки кажущейся ясности, хронология не измеряет историю, показывая лишь протяженность событий. Она сама по себе лишена внутренней логики, которую можно ей сообщить. Например, говоря о хронологии некоего события. И в этом случае мы имеем дело уже с историческим временем. Марк Блок приводит пример того как хронология переходит в историческое время: «Понадобилось 15 лет, чтобы Лютер из эрфуртского новичка-ортодокса вырос в виттенбергского реформатора (...) И, никак не собираясь отрицать того, что духовный кризис, вроде пережитого братом Мартином, связан с проблемой вечности, историк всё же решится подробно его описать лишь после того, как с точностью определит этот момент в судьбе самого человека, героя происхождения, и цивилизации, которая была средой для такого кризиса» [5:20].

Время судьбы героя, время жизни цивилизации, время повседневного или, напротив, вечного – всё это опасно близко к полемике номотетического и идеографического направления, описанных Лаппо-Данилевским. Если бы не одно новаторское открытие «анналистов», которое в изменённом виде позаимствует у них Козеллек. Историк не должен выбирать один тип исторического времени. Разные типы исторического времени для него параллельно и применяются исходя из целей исследования.

В этом смысле вряд ли можно превзойти Броделя с его концепцией четырёх времен. «Гигантские ошибки в выборе точки зрения и в рассуждениях, поскольку то, что пытаются собрать, вписать в одни и те же рамки, представляет собой процессы, не имеющие ни одинаковой длительности, ни одинаковой направленности, одни соединяются в человеческом времени нашей короткой и скоротечной жиз-

ни, другие измеряются временем существования обществ, для которых день, год, не имеют особого значения, для которых порой век есть мгновение длительности» [6:19]. Эта идея Броделя фактически не просто открывает методологическую возможность существования ряду специализированных дисциплин вроде истории повседневности. Она создает эту возможность. Время человеческой жизни, время общества, время цивилизации и время природы, закольцовывающее систему⁷, формируют бесчисленные методологические возможности, маргинальные с точки зрения презентизма или идеографии.

Защищая такой взгляд на историческое время, мы утверждаем, что это, в сущности, не столько понятие, сколько поставленная перед исследователями дилемма, сохраняющая смысл исторического нарратива вне получения любого знания ради знания.

Когда Февр говорит что всякое историческое исследование представляет из себя отбор фактов, он отнюдь не имеет в виду намеренную фальсификацию или умолчание, что сам называет «отрицанием научного метода». Но отстаивает идею что «всякая история есть выбор» в силу того, какие источники доступны историку или как устроено человеческое мышление или в силу особенностей научного поиска часто требующего создания объекта исследования. «Не так уж трудно описать то, что видишь; куда труднее увидеть то, что нужно описать» [17:69].

Всякое понятие есть не словарное значение, но – употребление. Более того, словарное значение зачастую отражает решение определённой дискуссии в определённое время и на определённой территории. Вспомним хотя бы дискуссию о значении термина «феодализм», используемого в западной науке, как правило, не в качестве одной

⁷ Ежедневное повторение одних и тех же взаимоотношений с природой, от чего они кажутся неподвижными – как самое длительное, практически вечное, но и самое стремительно изменчивое в рамках каждого дня время.

из марксистских формаций, а исключительно как особый способ организации общественных отношений.

Проблема исторического времени не в точном определении, но в целесообразности применения того или иного времени к проблематике конкретной работы. Повседневность требует одного временного рассмотрения, история общества – другого, цивилизации – третьего. И, хотя, допущения возможны⁸, концепция исторического времени – это шаг методологии навстречу историографии, шаг к трудам, которые не только пишутся, но еще и читаются.

Остается один вопрос, уже анонсированный во вступлении данной статьи, судьба дискуссии об историческом времени в наши дни.

«Революция» в понимании исторического времени связана с именем Райнхарта Козеллека. Дело в том, что школа «Анналов» рассматривала историческое время и само историческое знание как бы в прошлом, в привязке к хронологии. Например, приведенный Марком Блоком пример с Мартином Лютером и его духовным кризисом в рамках жизни человека и жизни цивилизации, ярко рисует перед нами как бы вторую реальность, прошлое, которое объективно существует само в себе. Главное открытие Козеллека заключалось в том, что история не существует вне сознания лица, способного её вспомнить, или историка. Отсюда и рождается принцип «слоев времени». Одновременно существующих в настоящем следов прошлого, на основании которых сознание реконструирует историю⁹. При этом Козеллек разделяет время памяти и время истории, первое позволяет вновь пережить, а второе – понять. «Заниматься историей означает конструировать научный объект, исто-

⁸ Вроде значения жизни Лютера для Запада как цивилизации.

⁹ Пишет, дописывает или переписывает – очевидец записывает историю пользуясь некой методикой, постепенно отделяющейся от фактов, при записи которых эта методика возникла, историк дописывает историю создавая смысловые ряды с применением того же метода и одновременно переписывает её, если применяет другие методы.

ризировать его и историзировать в первую очередь путём реконструкции его временной, дистанцированной, манипулируемой структуры (...) Иными словами, время не дано историку как какое-то время, где-то там существующее до начала его исследования. Оно выстраивается историком благодаря специальной работе» [11:116].

Несмотря на то, что смысл темпорализации истории, как привязывание категориальных смыслов ко времени, остается, изменение курса с постижения прошлого на его конструирование изменяет и смысл дилеммы об историческом времени, переводя его из проблем методологии истории в проблемы исторической памяти. Но не памяти-переживания Козеллека, а скорее некоего обобщённого образа прошлого.

Сложно переоценить влияние предложенной Козеллеком трактовки исторического времени. Когда Антуан Про охарактеризует исторический факт, как факт, который нельзя наблюдать непосредственно, поскольку он перестал существовать, это модернизация именно суждения Козеллека. В то же время Про совершенно спокойно утверждает, что время истории – время различных общественных коллективов, похожее на другие типы времени линейной направленностью – делением на века, годы, месяцы, дни. Вероятно, он и сам чувствует некоторое противоречие между этими двумя суждениями, поскольку сразу же оговаривается, что «время истории – не единица измерения». Оно «встроено в вопросы, документы, факты; Оно представляет собой саму субстанцию истории» [11:105]. Про практически буквально следует за школой «Анналов». Дальше не обходится и без отсылки к Ранке: «Сравнение прошлого с настоящим подразумевает что время истории является объективированным. С точки зрения настоящего это время уже истекло и вследствие этого приобрело известную устойчивость, в него можно сделать экскурс в случае надобности» [11:114].

В этом существенное противоречие «Двенадцати уроков истории» – соединение разнородных методологиче-

ских установок, за каждым высказыванием об историческом времени следует своеобразный «костыль», опровергающий это высказывание. Так, приводя развернутую цитату из Козеллека, Про делает оговорку: «Историк не занимается реконструкцией времени во всей его полноте для каждого нового исследования: он берет то время, над которым уже работали другие историки и периодизация которого имеется. Поскольку задаваемый вопрос приобретает легитимность лишь в результате своей включенности в исследовательское поле, историк не может абстрагироваться от предшествующих периодизаций: ведь они составляют язык профессии» [11:119].

Не следует трактовать эту черту книги французского историка как недостаток. Схожее методологическое смещение свойственно практически любой научно-исторической работе, поскольку любая научная деятельность содержит два разнонаправленных импульса. Один из которых толкает её в направлении канонизации метода, а другой – его преодоления. Можно даже сказать, что ничто так, как какой-либо метод – в широком понимании этого слова, не иллюстрирует пробелы этого самого метода и его потенциальные перспективы.

С этим мы сталкиваемся, например, у Ле Гоффа в его цикле статей «История и память». Ле Гофф, относящийся, как и Блок, Февр и Бродель, к школе «Анналов» повторяет стандартную для данной школы формулировку. «В условиях в настоящее время все ускоряющегося – во всяком случае, с точки зрения распространения вширь – обновления исторической науки (главный импульс исходил от журнала «Анналы», основанного в 1929 г. М. Блоком и Л. Февром), значительное место принадлежит новой концепции исторического времени. Ле Гофф предполагает, что история развивается в различных ритмах, и задача историка состоит прежде всего в познании этих ритмов» [10:18]. Но он дополняет её, исходя из времени создания сборника¹⁰

¹⁰ 1986 – на материале статей, созданных в семидесятые.

указанием на некий «кризис роста» исторической науки. Этот кризис показывает, что «народы третьего мира озабочены прежде всего тем, чтобы обрести свою историю, – что, впрочем, породит типы истории, вероятнее всего, очень отличающиеся от тех, которые жители Запада определили как таковые, – когда история, таким образом, стала существенным элементом потребности в индивидуальной и коллективной идентификации, оказывается, что именно сегодня историческая наука испытывает кризис (роста?). В своем диалоге с другими общественными науками, в процессе значительного расширения своей проблематики, своих методов и своих объектов она настойчиво спрашивает себя о том, не находится ли она на пути к гибели?» [10:19].

Если отбросить из данного фрагмента изрядную долю высокомерия «человека Запада»¹¹, можно заметить, что даже Ле Гофф – наследник «новой исторической науки» – видит, насколько тесно история в новую эпоху связана с формированием идентичности и насколько это искажает её традиционную проблематику. В 1994 г. уже для Анкерсмита историческое время будет «относительно недавним и весьма искусственным изобретением Западной цивилизации» [1:118]. Но Анкерсмит во многом отвечает пропущенному звену нашей цепи – Полю Рикёру и его труду «Время и рассказ». Рикёр – философ, и рассматривая его работы, мы отходим от собственной рамки подбора источников, однако, невозможно отрицать, что изданные в 1983–1985 гг. два тома труда «Времени и рассказа», оказали влияние на восприятие истории и исторического времени. «Я ни сколько не сомневаюсь, что историк вправе конструировать временные параметры, соответствующие его объекту и методу» [13:110]. Такой преамбулой Рикёр предваряет свои рассуждения об историческом времени, исходящие из представления об историческом знании как производном

¹¹ Оставим разбираться с этим исследователей ориентализма как явления.

от нарративного понимания истории, косвенно ориентированной на сферу человеческой деятельности. Отметим, что в его отношении к школе «Анналов» ощущается отрицание. «В этой школе мы имеем дело с методологией профессиональных историков, совершенно чуждых проблематике «понимания». Даже наиболее теоретические работы историков этой школы – это размышления ремесленников о своем ремесле» [13:118]. Куда больше Рикёр симпатизирует работе Анри Марру «Об историческом познании», приносящей проблему «понимания» в историческую науку. Под пониманием Рикёр подразумевает овладение концептуальной сеткой объекта и правилами составления его внутренней композиции как нарратива.

Отсюда и характер исторического времени во «Времени и рассказе» двойственный¹². С одной стороны, Рикёр выделяет историческое время, растворяющееся во множественности времен, шкала которых соответствует шкале рассматриваемых сущностей. С другой же – видит некие однородные участки, подчинённые каузальности, причинности¹³ или номологии, апеллирующие к законам истории¹⁴. Что достаточно похоже на хронологию [13:206].

В этом замечании Рикёра кроется одно из теоретически слабых мест нашей работы. Гипотетический наблюдатель может не увидеть применения исторического времени в непрерывной хронологической последовательности. Поделить историю на отрезки, не замечая, что при этом обратился к историческому времени. Ведь границы конкретного исторического явления, зачастую кажущиеся предельно очевидными, например, войны, в действительности условны, поскольку предполагают определенный принцип отбора, который и задает нужное историческое время.

К примеру, чтобы определить границы войны, мы считаем, что начало войны – это дата её объявления, а конец –

¹² Как и характер самой истории, не способной ни порвать с рассказом, ни раствориться в нём.

¹³ «А» – причина «Б».

¹⁴ Если происходит «А», то происходит и «Б».

дата подписания мира. Но даже при этом есть место различным принципам отбора, применение которых может из одной войны сделать две. Так, хронологические границы Второй мировой войны не совпадают с хронологическими границами Великой Отечественной. При том, что война была одна. Но в первом случае мы рассматриваем её события применительно к истории всеобщей, а во втором – к истории России. Схожие «игры с временем» можно увидеть, например, в разделении Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813 г. При том, что опять же, исторически война была одна. Применение различных категориальных смыслов к хронологии выдает исследователю разные смысловые ряды. Но здесь наша работа сталкивается с неким гипотетическим наблюдателем номер два, который в отличие от первого, видит у любого историка вплоть до античности применение исторического времени в значении нами приведённом. Например, в очень древней периодизации по правлению государей, объединяющей и разделяющей исторический процесс по принципу времени правления одного человека. Ведь каждый исследователь выполняет ту же самую операцию, отбирая фактический материал и помещая его в хронологическую рамку с помощью применения к нему категорий, делящих его на отрезки. Исключение можно сделать для погодных записей, но даже такие записи, хроники или летописи, могут содержать в себе историческое время в завуалированном виде. Например, в случае, когда монотематический рассказ искусственно делится по датам.

Необходимость лавировать между этими двумя наблюдателями – первым, считающим историческое время искусственным, и вторым, применяющим его ко всему – порождает необходимость ответить тому и другому. Исторического времени не может не быть. Ведь применяется не только то, что осознано исследователем. Осознать применение исторического времени, например, Светонием, может исключительно исследователь. А стало быть говорить

о восприятии Светонием исторического времени примерно то же, что рассуждать, например, о его отношении к идее коммунизма. Профессор Скиннер назвал бы это использованием понятия, которого это время знать не могло [16:57]. В этом смысле историческое время принадлежит современности куда в большей степени, чем непосредственно истории. Основываясь на источниках, историк может привести к историческому времени даже тексты, изначально этого времени лишённые. И если хронист адаптировал рассказ к хронике, то историк хронике адаптирует к рассказу.

Мы вынуждены сделать это масштабное отступление, чтобы разобраться с историческим временем в том виде, в каком оно было и в каком только и может существовать. Но можно, подобно Козеллеку, поставить на первый план взгляд из настоящего в прошлое, пересечение некоего «опыта» и «горизонта ожиданий», создать определённый режим историчности. Или даже, подобно нарративистам, например, Уайту, Гэлли, Минку или Анкерсмиту изучать нарративные законы истории. Заключает наш ряд исследователей исторического времени Франсуа Артог. Открытие Артога, развивающего идеи Козеллека, – собственное осмысление понятия «режимов историчности» как способов артикуляции категорий прошлого, настоящего и будущего. Соответственно, возможно три режима историчности [3:13] в зависимости от того, какая категория первична. Пассеизм – представление об истории как замкнутом круге вечных повторов или истории-наставнице, истории как источнике высоких образцов, – для Артога переходит в футуризм. То есть мы встречаем понимание истории, устремленной вперёд, в будущее. Футуризм ищет закономерности истории с помощью находящегося впереди, будущее будет принципиально отличаться от прошлого. Но с разочарованием в будущем и прошлом, порожденным потрясениями XX века, приходит презентизм. Это культ общества настоящего, сакрализирующего свою идентичность с помощью

прошлого и объясняющего с его помощью настоящее. Настоящее решает, каким прошлым обладает, то есть, что именно вспоминает, запоминает, и какое будущее конструирует. Мы можем использовать концепцию Артога с большим трудом, поскольку для данного исследователя историческое время – подраздел времени социального, отвечающий за восприятие прошлого, а вовсе не «время историка». То есть это категориальные смыслы, соотносимые с хронологией. При таком подходе важно восприятие времени обществом как неким совокупным организмом, а не историком-исследователем, предполагающим, в каких именно временных рамках ему предстоит работать и почему. Это тончайшая грань, когда смена субъекта действия меняет и характер действия. Историческое время в размышлениях «ремесленника о своем ремесле» или «частицы общества о своем обществе» приобретет разные параметры, так что отделить одно от другого порой бывает крайне сложно. Ведь историк является частицей общества и обладает исторической памятью, а частица общества может быть историком и тоже обладает исторической памятью. Мы, пожалуй, не можем предложить более надёжного параметра разграничения исторического времени и времени памяти, чем представление о наличии целостного прошлого самого по себе и историка, как посредника между ним и настоящим, либо об отсутствии прошлого, реконструируемого историком по следам, содержащимся в настоящем. В условиях первой методологической установки вспомнить одно, опустив другое, будет являться фальсификацией истории, в условиях второго, напротив, станет чем-то вроде неизбежного зла. При этом, и тот и другой подход несут в себе зёрна истины, потому что в качестве практик оба существуют в общественной жизни.

Историческое время нуждается в некой объективно существующей истории, к которой можно обращаться. В противном случае, если истории не существует, и её необходимо конструировать, историческое время становится

временем памяти. Это – последний тезис нашей статьи. Но, пожалуй, мы слишком много и часто употребляли термины «историческая память» и «время памяти» чтобы не сказать немного и о них. Вопрос об исторической памяти в науке возникает почти одновременно с вопросом об историческом времени. Первооткрывателем стоит считать Мориса Хальбвакса, автора работы «Социальные рамки памяти». Он начинает с мысли о переписывании истории. «История не просто воспроизводит рассказы современников о событиях, но время от времени и подправляет их – не только потому, что располагает другими свидетельствами, но и с тем, чтобы приспособить их к приёмам мышления и репрезентации прошлого, свойственным нынешним людям» [18:209]. Хальбвакс развивает эту идею в нечто большее. «Историки все больше отказываются извлекать из событий прошлого какие-либо общие выводы и уроки. Общество же, выносящее суждение о людях при их жизни и в день их смерти, а о событиях – по мере того как они происходят, – на деле заключает в каждом из своих важнейших воспоминаний не только фрагмент опыта, но как бы и отблеск размышлений...» [18:329]. И ещё – «...почти не бывает общих понятий, которые не давали бы обществу повода оглянуться на тот или иной период своей истории» [18:329]. После чего делает вывод. «Любой исторический персонаж или факт, проникший в эту память, сразу же превращается там в некое поучение, понятие, символ, он приобретает смысл, он становится элементом системы общественных идей» [18:343]. Изучение данного явления продолжается в работах крупнейших исследователей исторической памяти Пьера Нора, Поля Рикёра и Алейды Ассман.

Словарь «Теория и методология исторической науки» отождествляет историческую память с тремя терминами – исторической культурой, культурной памятью и местами памяти. Историческая культура трактуется как «понятие, отражающее различные формы отношения человеческих

групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным» [7:369]. Культурная память выводится из определения её Яном Ассманом. Культурная память, по Ассману, представляет собой «специфическую для каждой культуры форму передачи и осовременивания культурных смыслов» [7:369].

Историческая память связана с формированием некой идентичности, в этом корень её конфликта с историей, способной любую идентичность подорвать. По мнению П. Нора, «память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность её призванием. Память – это абсолют, а история знает только относительное» [12:20].

Поль Рикёр идёт дальше, постулируя конец истории и торжество памяти. «Судя по всему, историческое познание, говоря о циклическом или линейном времени, о стационарном времени, об упадке или прогрессе, так и не освободилось от этих картин исторического времени. Так не является ли задачей памяти, наученной историей, сохранить след этой многовековой спекулятивной истории и интегрировать его в свою символическую вселенную? Это было бы высшей миссией памяти — уже не до, а после истории» [14:224]. Это распространенная среди философов со времён Гегеля попытка потеснить историографию с её монопольных позиций на изучение человеческого прошлого. Рикёр и сам признается в этом: «Я хотел бы привлечь философа на рабочую площадку историка...» [14:526]. Заметим, что философы, если и появляются на рабочей площадке историков, то это сравнимо с экскурсией весьма уважаемых, но посторонних господ, на производство.

Настаёт момент, когда почтенных визитёров попросят удалиться, дабы продолжить работу, хотя разумеется учтут все их рекомендации.

Алейда Ассман считает, что историческая память это «осовременивание прошлого. “Осовременивание” означает актуализацию прошлого в настоящем и для настоящего. Лишь настоящее является тем местом, откуда происходит обращение к прошлому; одновременно настоящее служит тем контекстом, в котором заново реконструируется прошлое» [2:121].

Более всего эту исследовательницу волнуют вопросы Холокоста, поэтому она предупреждает. «Историческая память всегда служила и продолжает служить крайне агрессивным целям, создавая устойчивый образ врага, разжигая страсти или обосновывая необходимость мести и реванша, однако данное обстоятельство не может оставаться слепым пятном исторических исследований, а должно привлекать их непосредственное внимание» [2:124].

Если попытаться упростить взгляд на историю-науку и историю-память, можно сказать, что в первом случае мы имеем дело с верифицируемым знанием о прошлом, утверждающим свою объективность и всеобщность. Второй же случай создает набор представлений человека, социальной группы или общества о прошлом, в том числе неверифицируемые, субъективные и свойственные исключительно носителям памяти. Для историка исторический миф является объектом изучения как заведомо недостоверная информация – в вопросах своего возникновения и бытования, но для носителя исторической памяти он может быть знанием. Некоторая недостоверная информация даже попадает в учебники истории, которые наиболее ярко воплощают собой историческую память. В этом смысле учебник, пожалуй, куда ближе к донаучной истории – хранильнице памяти. Наконец, история может «забыть» концепцию, которую однажды отвергла, память же лишь замещает воспоминания, лишённые актуальности, акту-

альными, легко возрождая замещённое в случае изменения обстоятельств, сделавших его вновь актуальным. «Память необходима, чтобы вдохнуть жизнь в массив исторических знаний в виде смыслов, перспектив и социальной релевантности; история нужна для критической проверки конструкций памяти, которые всегда формируются под воздействием определенной конфигурации власти и продиктованы насущными потребностями современности» [2:15].

Так что же такое «время памяти», к которому приходит «историческое время» в момент исчезновения истории как объективно существующего независимо от наблюдателя, например, в текстах источников, прошлого? Очень часто время памяти сближают с временем природы или мифа за счёт их цикличности. Историк работает с линейным временем. События для него существуют в объективном прошлом, но наличие тех же событий в исторической памяти напрямую зависит от их постоянной реактуализации в настоящем. О них пишут книги, снимают фильмы, устраивают реконструкции и годовщины, их героям стоят памятники. Таким образом прошлое оживает в настоящем. Историческое время же, будучи применённым к историческому исследованию, вполне может не иметь никакой связи с настоящим, например, в случае, если историк изучает ацтеков, ему необязательно, вопреки постоянным требованиям от историков «актуальных» исследований, соотносить их с современностью. Нам могут возразить, что условный труд по ацтекам вводит историю данного народа в историческую память читателей. Действительно, в этом смысле всякий исторический труд является также актом исторической памяти. Но, как и все воспоминания о прошлом, исторический труд существует для неспециалистов в прямой зависимости от своей актуальности для группы или общества.

Таким образом, если историческое время – это применение категориальных смыслов к хронологии, то время памяти – реактуализация событий прошлого в настоящем,

причём прошлое вполне может не существовать. Отсюда сходство двух типов времени, выражающееся в их условности и методе применения. Имея объект исследования, историк придает ему временные рамки, объекту воспоминания тоже можно придать временные рамки, определить его длительность, но границы воспоминания всегда будут ограничены границами его реконструкции. Это похоже на работу с неким абстрактным текстом, который нельзя проверить через отсутствующие в нём звенья. Но правильность выбора исторического времени проверить легко. Достаточно лишь оценить качество временного отображения соответствующих смыслу исследования единиц, соответствие материала заявленным категориям, в которых он будет отображаться. Предположим, что в историческом труде, посвященном биографии Робеспьера, речь пойдёт исключительно о быте Египта времен Среднего царства. Несоответствие объекта и временных рамок очевидно. А теперь представим фильм с гордым названием «Робеспьер», где с первых же кадров начинаются картины жизни Египта вышеназванного времени. Что это? Метафора? Авторская ассоциация? Историческая память о Робеспьере обогатится одним новым, весьма нестандартным, звеном. Память создает любые соответствия, не всегда доказывая правомерность этих соответствий. Может ли Руссо считаться ответственным за возникновение тоталитаризма? С точки зрения истории вряд ли. Общества, считающиеся тоталитарными, просто не попали бы в историческое время биографического исследования, а доказать непосредственное влияние конкретных текстов Руссо на конкретный режим XX века – задача сложнейшая. Но с точки зрения памяти данная характеристика вполне приемлема, причём память не волнует, что Руссо и первые примеры употребления термина «тоталитаризм» разделяют двести лет. Таким образом возникают не только «две истории», но и «два времени», которые можно было бы назвать объектным, то есть соответствующим объекту ис-

следования, и субъектным, то есть соответствующим предпочтениям субъекта исследования.

В диспуте сторонников того и другого подхода несомненно более выигрышную позицию занимает историк, поскольку имеет реальную возможность подтвердить истинность своих утверждений. Однако, память обладает способностью апеллировать к эмоциональной и ценностной стороне личности гипотетического зрителя. Для историка, по крайней мере вторичной, «утверждать примат истины нравственной над истинной фактической» (Руссо). Кстати, цитирование Руссо в предыдущей фразе можно считать примером обращения к исторической памяти – вряд ли французский философ употребил данное высказывание, рассуждая о вопросах исторической памяти. Однако, реактуализировав его в данном контексте, мы создали иллюзию причастности авторитета к нашему высказыванию, вполне безобидную, но работающую на правильное восприятие текста. Такие примеры обращения к исторической памяти могут быть не столь страшны, как может показаться профессиональному историку, часто воспринимающему носителя исторической памяти как своеобразного конкурента, более того, применение времени памяти может создавать шедевры. Ярчайший пример – «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, где герои парных биографий не объединены ничем, кроме авторских ассоциаций. Величие акта исторической памяти Плутарха, коим явилось сотворение его бессмертного цикла, вряд ли возможно отрицать, и всё же, нельзя не признать, что в нашу эпоху попытка профессионального историка создать нечто подобное, оказалась бы методологически спорной.

Пока существует историческая наука – будет существовать и историческое время. Но также, поскольку всякое общество обладает историей, будет существовать историческая память, обладающая своим особым «временем памяти». Могут ли история и память примириться? Пьер Нора считал, что могут. «Было время, когда могло пока-

заться, что с помощью истории и вокруг идеи нации традиция памяти кристаллизовалась в идее политического синтеза Третьей Республики (...) История, память, нация претерпели тогда нечто большее, чем просто естественное взаимопроникновение: дополнительное распространение, симбиоз всех уровней, научного и педагогического, теоретического и практического. Национальное определение настоящего тогда категорически требовало своего оправдания ясностью прошлого» [12:23].

Когда история создает идентичность, а память использует историческую методологию, причем то и другое объединяет национальная идея – примирение возможно. Хотя Козеллек наверняка углядел бы в нём черты тоталитаризма, как и в любой унификации прошлого, всегда подавляющей определенную часть личных воспоминаний в пользу коллективных. Однако, историческое время может не противоречить времени памяти и даже формировать его. Так, документальный фильм о войне может соответствовать принятым у историков границам этой войны, а историк может использовать задокументированную коллективную память для обоснования исторического времени своего исследования.

Выше мы постарались раскрыть суть обоих явлений и механизм перехода вопроса об историческом времени в вопрос о времени памяти, возможного из-за смены методологических установок под влиянием общественно-политической ситуации. Также мы попытались объяснить параллельное существование обоих этих вопросов при практически полном выпадении, как ни парадоксально, вопроса об историческом времени из исторической памяти, вернее – его деактуализации. Подведем некоторые итоги.

Историческое время суть применение категориальных смыслов к хронологии. В исторической науке существуют два подхода к времени. Подход школы «Анналов», заключающийся в том, что предмет исследования сам по себе подвигает к рассмотрению его в определённом типе

исторического времени. И «немецкий» подход, предполагающий акцент на конструировании историком исторического времени из различных слоёв. Первая позиция суть модернизация суждения Ранке о том, что время истории устойчиво и объективировано, историк лишь обращается к нему. Вторая же основана на идее Райнхарта Козеллека об отсутствии исторического времени как данности и необходимости реконструировать его по следам.

Историческая память – это совокупность всей информации об истории, принадлежащая группе, обществу, нации. Время памяти же – компонент процесса реактуализации некоторой части исторической памяти, отвечающий за выделение границ воспоминания. Либо, следуя опять же немецкому взгляду, процесс эмоционального переживания прошлого.

Таким образом, если первый подход является частью ремесла, рабочим инструментом, который верой и правдой служил не одному поколению историков, то второй предстаёт скорее локальной школой, вносящей в мейнстрим элементы немецкой философии. Эти два взгляда, исторический и философский, существуют до сих пор, и расхождение между ними во многом и определяет путаницу, существующую в понятиях.

Тем не менее отметим, что методология часто имеет куда больше общего с памятью чем с историей. Методы могут не использоваться, но не могут исчезнуть, поскольку оживают при появлении общественных к тому предпосылок. Отсюда и известная относительность любых форм исследований методологии – значение, как известно, есть употребление, а употребить те же термины можно принципиально в ином значении. Потому, наш взгляд на процесс трансформации исторической методологии в вопросах времени нельзя рассматривать как абсолютную истину. Однако, он может выполнить роль приглашения специалистов к дискуссии на тему, актуальную всегда. Ведь история велика и обладает столь же великой временной протяженностью, и, если что и есть у историков всегда – так это время.

Литература

1. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М., 2003.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016.
3. Артог Ф. Мировое время, история и написание истории // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 3. Минск, 2007. С. 13–23.
4. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
5. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.
6. Бродель Ф. Очерки истории. М., 2018.
7. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014.
8. Козеллек Р. История // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х томах. Том 1. М., 2014. С. 45–240.
9. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006.
10. Ле Гофф Ж. История и память. М., 2013.
11. Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000.
12. Франция-память / Ред. П. Нора. СПб., 1999.
13. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998.
14. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
15. Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. М., 2013.
16. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 53–141.
17. Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.